

АЛБАСТЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ ТУРЕЦКИХ ПЛЕМЕН¹

Представления о злом женском духе албасты — одни из наиболее широко распространенных представлений турецких племен.

Под названием «*албасты (албаслы)*» этот дух фигурирует в религиозных представлениях и в фольклоре турецких племен Крыма, Кавказа, Туркменистана, Туркестана, Казахстана и Кыргызстана [Радлов 1893–1911: I: 434]. У османских турок он известен под именем *Ал* или *Ал-Карысы* [Гордлевский 1914: 23; Meizaros 1906: 55]¹.

Представление об *албасты, олмосты, альмасте* или *ал* сохраняется у всех иранских племен Туркестана, Афганистана [Андреев 1927: 34; Зарубин 1927: 94, 361; Бобринский 1908: 104–105] и у нетурецких племен Кавказа [Шемшединов 1910: 151–152]².

Термин *албасты* отмечен у башкир [Руденко 1925: 306] (л. 1–2)ⁱⁱ и у турецких племен Поволжья [Коблов 1910: 416, 436; Максимов 1876: 615; Кайюм-Насыров 1880: 251; Радлов 1893–1911, т. I: 434 — домовый, злой дух, кошмар]. От последних, можно думать, он перешел к соседним финнам [Holmberg 1927: 183; Holmberg 1926: 55. Вотяки — черт]. У монголов сходное представление известно как *алмас* [Потанин 1893b: 351] У турецких племен Сибири название «*албыс*» или «*алмыс*» применяется к злым духам (минусинские турки, урянхайцы, телеуты, кумандинцы, шорцы на

¹ У кыргызов отмечено параллельное название кара или кара-басу, заменяющее иногда обычный термин «албасты».

² У других народов Кавказа: чеченцев, аварцев, андийцев — в виде исполинской женщины с большими грудями, которые она закидывала себе за спину.

реке Кондоме) [Катановⁱⁱⁱ; Вербицкий 1884: 18; Грамматика 1869: 146; Радлов 1893: 439] и, в частности, к духам тяжелой болезни (алтайцы) [Анохин 1924: 6, 137]^{iv}. *Албыс* перешел и в число шаманских духов (минусинские турки, уранхайцы)^v. В легендах алтайцы и телеуты называют *албыс*'ами или *алмыз*'ами некогда населявших Алтай людей — злых духов, по наружному виду почти аналогичных духу *албасты* [Радлов 1893–1911, т. I: 439]. От термина *албыс* урянхайцы производят глагол *албыстај* (беснуясь) [Катанов 1903: 8], а минусинские турки употребляют выражение (л. 3) (л. 4)^{vi} *албыстан кіжі, албыс тай верген*^{vii} в значении временного помешательства шамана, вселения злого духа [Яковлев 1990: 113]. Относительно происхождения термина «*албасты*» был высказан в литературе ряд предположений, которые малоубедительны^{viii}. Так, некоторые исследователи пытались разлагать *албасты* на «*ал*» и глагол «*басмак*». Причем корню «*ал*» придавали различные значения^{ix}. Meizaros османскую *ал* осмыслял как «красную», а *ал-басты* переводил как «красный давит» [Meizaros 1906: 55]. В последнее время этому термину уделяло внимание яфетическое языкознание. (л. 6)

Албасты мыслится как в антропоморфном, так и зооморфном образе. Первый, несомненно, доминирует. Обычно она рисуется воображению вышеуказанных турецких племен в виде женщины голой, косматой, с длинными волосами и огромными длиннейшими отвисающими грудями. Последние она часто закидывает через плечи на спину. Часть легенд указывает, что груди *албысты* оканчиваются шестью сосками или что у *албасты* семьдесят грудей, и каждой грудью она может питать семьдесят детей. Иногда *албасты* представляется как старуха, иногда женщиной (л. 7)^x исполинского роста (кумыки) [Шемшединов 1910: 152] или размером с собаку [Троицкая 1927: 349], иногда маленькой девочкой. Последняя имеет такие же длинные висающие груди [Максимов 1876: 61]. Только у османских турок *албасты* мыслится в виде красивой женщины [Гордлевский 1914: 23]^{xi}.

Албасты наряду с антропоморфным образом может фигурировать и в образе животных. Она является в виде козла или собаки, обычно рыжего цвета. Есть указания, что сосцы такой собаки волочатся по земле [Диваев 1938: 187; Миропиев 1888: 13]^{xii}. Двойственное нерасчлененное представление об *албасты* может быть отмечено у оседлых узбеков. (л. 8) *Албасты* — это женщина величиной с собаку, она сидит по-собачьи. Длиннейшие груди отвисают по сторонам [Троицкая 1927: 349]. Наконец, совершенно отвлеченно воспринимается *албасты* некоторыми османцами — она является лишь олицетворением болезни. Образ *албасты* доходит до полного отвлечения. Она мыслится как олицетворение болезни [Meizaros 1906] и может быть сравнима с духом болезни у сибирских турок^{xiii}.

Местожительством *албасты* служат пустынные, уединенные места, камни и развалины. Иногда она поселяется и среди людей. (л. 9)

Албасты — прежде всего злой дух. Она вредит женщинам и детям. *Албасты* делает женщину бесплодной, портит ребенка в утробе матери; она вынимает ребенка из чрева матери перед родами во время сна (туркмены). По представлениям всех этих племен, женщина не может родить, потому что ее давит *албасты*. Во время родов *албасты* старается не выпустить послед. Если ей это не удается, то она продвигает постепенно послед к горлу роженицы и душит ее (оседлые узбеки). Она душит роженицу во время родов и вырывает у нее печень (крымские татары). По представлениям казаков и киргизов, *албасты* похищает у роженицы легкое и уносит его. Она несет его в зубах (или в образе женщины, или собаки). У османских турок *ал* подкарауливает роженицу, вырывает у нее легкое, поджаривает его на углях и поедает. Она представляет опасность женщине в течение 40 дней.

Родившийся ребенок также подвергается козням и злобе *албасты*. Она (л. 10) давит и его, ложась на нем (османцы), старается накормить своей грудью, или похищает его^{xiv}.

Мужчинам *албасты* не приносит вред. За исключением *ал* османских турок, которая тайно глядит на женихов и подкарауливает их. Она уносит печень молодого человека и убивает его накануне свадебной ночи. Иногда, приняв образ красивой женщины, она живет с мужчинами [Худабай-Кустанаев 1894: 36–37]. Крайне незначит[ельная] часть легенд не указывает точно, лицам какого пола вредит *албасты*, — рассказывают только, что (л. 11) при встрече с людьми она завязывает с ними разговор и увлекает в уединенные места, где и губит [Кастанье 1913: 84]^{xv}, или чаще — что наваливается во время сна на спящих, душит, сосет кровь или кладет в рот свою грудь и давит их [Руденко 1925: 306]^{xvi}. (л. 12) Совершенно особо должны быть выделены представления османских турок и кумыков о возможном сожительстве *албасты* с мужчинами. В легенде кумыков *албаслы-катын* является в лесу охотнику Бий-Арслану в виде женщины огромного роста с такими огромными грудями, что свободно могла перебрасывать их себе за спину^{xvii}. Она вступает с ним в сожительство. Но так как она живет в лесу и он принужден был время от времени являться на свои свидания с ней в лес, в ее жилище^{xviii}, то это тяготит его. И однажды овладев ее волосами (обладание хотя одним ее волосом давало власть над нею), он принуждает ее прийти в его дом, и там она живет в качестве его наложницы [Шемшединов 1910: 140; Гордлевский 1914: 24]. У османских турок *ал* живет с мужчиною в его доме, но она является в образе красивой женщины. Власть над ней можно получить, воткнув в ее платье иголку. Она дает изобилие и богатство в доме. (л. 13)

Несмотря на то что приведенные легенды османцев и кумыков, можно считать характерным для *албасты* следующее: 1) *Албасты* — женский дух. Она мыслится в образе женщины с огромными грудями. 2) Ее функция Ч приносить вред женщинам и детям (особенно роженице). В некоторых исключительных легендах, как мы видели, она вредит мужчине или вступает с ним в сожителство. (л. 14)^{xix}

Защитой от *албасты*, как и от других злых духов, служат горящий огонь, шкуры различных животных, раскаленное железо. Ее пугают выстрелами из ружья (киргизы); особые лица, способные однажды видеть *албасты*, называемые *күчу* у кыргизов, имеют власть над нею и могут отгонять ее от роженицы. Достаточно бывает даже внести плеть или какой-либо другой предмет, принадлежащий *күчу*, чтобы *албасты* покинула женщину. Эти *күчу* прогоняют албасты по направлению текущего арыка и заставляют бросить легкое в воду. (л. 15)^{xx}

Как образ *албасты*, так и ее функции трудно объяснить исключительно на материале, относящемся к *албасты*, как она выявлена у только что изложенных племен. Генезис представлений об *албасты*, несомненно, может быть выявлен лишь на материале турецких племен Сибири. Там, среди преимущественно охотничьих племен, более примитивных по своим мировоззрениям, отчетливо выявлен образ женского духа, одновременно и доброго, и злого, обладающего теми же внешними признаками, как и *албасты*, но с совершенно отличными функциями. Образ этот связан с их основным древним занятием — с охотничьим промыслом. (л. 16)^{xxi}

По представлениям шорцев Кузнецкой тайги, тайгой владеет особый хозяин леса — *табдың есі* или *тајбадың есі* (хозяин гор и леса). От него зависит удача промышленников на промысле. Он дает зверя, он же волен спрятать свой скот, перегнав в другую тайгу, проиграть в карты хозяину соседней тайги или пропить на вине. Все шумы и шорохи в лесу одинокие и напуганные охотники склонны приписывать присутствию хозяина. С этими хозяевами охотник должен вступить во взаимоотношения, подчиняясь их желаниям, угождать их вкусам. Жизнь этих хозяев протекает по образу и подобию жизни людей. Они живут родами с женами и детьми. Вот почему хозяевами леса могут быть и женщины^{xxii}. У хозяйки горы, рассказывают шорцы, большие груди. Она ночью приходит к охотнику, чтобы сделать его своим мужем. Придя к нему, вместе с ним ночует. После человек тот сходит с ума; поет, камлает, часто (л. 17), в конце концов умирает. Во время болезни пищи не ест, все твердит: «В гору уйду». Чтобы избавиться от горной женщины, охотник должен схватить ее за груди и закинуть их ей за плечо на спину. Тогда она сердится и со словами: «Ты моим мужем не будешь» уходит (*Тајаш* род).

Явившись охотнику, эта горная женщина, дочь хозяина леса или сама хозяйка, предлагает ему свою любовь, себя в жены, вместе с тем обещает ему богатство, т.е. удачу на промысле. (л. 18)

В тайге на промысле охотнику является хозяйка тайги (гор и леса) и предлагает свою любовь, вместе с тем обещает богатство, т.е. удачу на зверя. Обычно она говорит, обращаясь к охотнику: «Ты меня возьмешь ли?» И на его удивленный вопрос: «Как наши люди могут взять себе девушку из горы?» — отвечает: «Если меня возьмешь, такой жизнью не будешь жить — станешь богаче». Охотник, рискнувший взять себе в жены горную женщину, сразу же богатеет. (л. 19)

Храбрый охотник, увидя в лесу женщину с висящими грудями, стреляет между грудью. Хозяйка исчезает. И только слышно в лесу, как она стонет и рыдает от причиненной ей раны и жалуется на злобу охотника^{xxiii}.

Однажды, рассказывают охотники рода *Кый*, они ночевали в тайге^{xxiv} «хан-небо» в верховьях Абакана. Среди них был один холостой охотник. Ночью услышали они в тайге голос. Девушка кричала: «Есть ли тут холостой (л. 20)^{xxv} человек?» Один из охотников, неопытный, крикнул: «Да, есть у нас один холостой». Другие, знающие, охотники не успели закрыть ему рот, чтобы не допустить ответить на заданный хозяйкой тайги вопрос. Пришла та девушка с длинными грудями, схватила его за руку, увела. Товарищи пошли искать ушедшего. Следы довели до берега реки и пропали. Хозяйка горы всегда кричит охотников. Знающие люди молчат. Неопытные отвечают. Вот почему того парня больше совсем не нашли.

Совершенно аналогичный момент сексуальных взаимоотношений охотника и хозяйки горы выявляет[ся] из фольклора сагайцев: «Два человека отправились бить зверей. Один из товарищей остался делать шалаш, другой отправился бить зверей. В тайге раздался человеческий голос. Человек, сидевший в шалаше, увидел, что по направлению к нему бежит голая женщина. Лишь только она прибежала (л. 21), как стала щекотать того человека... Он стал прицеливаться ей меж грудей. Выстрелил. Та женщина хлопнула себя и, побежавши, исчезла... Когда пришел другой товарищ, они отправились в ту сторону, куда убежала женщина, и увидели на снегу следы крови. Внутри той скалы, куда ушла женщина, они услышали человеческий голос. Один человек плакал там, говоря: «Ты еще не удовлетворилась, семерых сделавши своими мужьями? Погнавши теперь за восьмым, ты умираешь теперь сама...» Когда охотники вернулись домой и рассказали старикам все происшедшее с ними, один старик сказал им: «Та голая женщина обыкновенно является в таком виде людям, отправившимся бить зверя. Если кто, поддавшись щекотаниям, побежит, то она погонится за ним и убьет. Как только (л. 22)^{xxvi} он умрет, она делает его своим мужем. Если бы ты побежал так, она убила бы тебя также и сделала своим мужем» [Катанов 1907: 426–428]. (л. 23)

У урянхайцев основную категорию составляет *албыс*. (л.24)

Албыс, по представлениям урянхайцев, делает мужчинам пакости. Она живет в каменистых и песчаных местах и кричит, подражая козлу. По воззрениям этих племен, она была некогда девицей, не желавшей выйти замуж [Катанов 1903: 8].

Некоторое отличие от только что приведенных легенд представляют некоторые рассказы урянхайцев, что мужчине *албыс* представляется красавицей, а женщине — красавцем [Кон 1904: 23]^{xxvii}. В сказках (*чөрчөк*) алтайцев и телеутов *алмыз*’ы были и женщины, и мужчины, населяли некогда Алтай до теперешнего его населения. У женщин были такие длинные вытянутые груди, которые они могли закидывать за плечи. Они добывали себе пищу тем, что похищали людей. Превращались они в молодых парней, по виду алтайцев, и ездили сватать у алтайцев девок. Увозили и поедали. Больше всего любили они есть сердце^{xxviii}. После победы алтайцев ушли в горы и засели в пещерах. (л. 25)

У казанских татар тот же образ представляет собой *шурем*. *Шурем* имеет жительство в дремучих лесах. По внешнему виду он похож на человека, у него очень длинные крепкие пальцы и необычайно длинные сосцы, которые он закидывает через плечо... *Шурем* любит щекотать людей [Коблов 1910: 431; Кайюм-Насыров 1880: 253–254].

Эти представления широко распространены у различных финских племен. У финских племен так же, как у казанских татар, существует представление о духе *албасты*, живущей в чаще и болоте и приходящей в деревни и вступающей в сексуальн[ую] связь с женщинами [Holmberg 1922]. (л. 26) И наряду с нею представление о лесном духе *abda* — голый с длинными волосами и грудями, кот[орые] она закидывает за плечи. Женщинам она является мужчиной, мужчине — женщиной. Она щекочет людей и танцует с ними до смерти. Когда *abda* празднует свадьбу, гнутся деревья до земли от ветра^{xxix}. ...черемиск[ая] [Holmberg 1922; Золотницкий 1874] или *Вур-ава* у мордвы в виде женщины огромного роста, сидящей на дереве с растрепанными волосами и перекинутыми через сучья грудями [Смирнов 1895: 217]. Подобный образ женского духа с длинными волосами и грудями широко распространен среди различных этнических групп. Обычно он стремится к сексуальному общению с человеком. Таковы лесные духи и русалки.

* * *

[Материалы Н.П. Дыренковой к статье]

I

Во время моей полевой работы среди киргизов³ в 1926 г. мне удалось наблюдать сохранявшиеся еще у них следы некогда широко распростра-

³ В бывшем Нарымском районе Киргизской авт[ономной] обл[асти] нынешней Киргизской Республики.

ненных представлений об *albasty* ~ *albarsty* или *qara basy* ~ *qara basty* — о злок[озненных] женских духах, вредящих женщинам.

Албарсты, по существовавшим у киргизов воззрениям, нападает обычно на женщину во время родов. Если у женщины трудные роды, считают, что роженицу мучает *албарсты*, и если к женщине во время родов ею первого ребенка явилась *албасты*, то она будет мучать ее всегда при родах. Самых *албасты* никто из обычных людей не может видеть, об их присутствии узнают по тому, что у роженицы становятся очень большие зрачки и сама она тяжелеет и лежит без сознания. В таких случаях зовут к роженице *qiçi* — изгонителя *albarsty*. Сделаться *qiçi* может человек, которому однажды удалось увидеть *албарсты*. Она показывается ему в виде желтой собаки или других животных непременно желтого цвета, напр[имер] барана, козла, или в образе женщины маленького роста с рыже-желтыми волосами, иногда с отвислыми длинными грудями. Называется *албарсты* часто *sary qiçi*q — желтый щенок. Когда человеку удастся увидеть подобное существо, он мысленно сразу же решает: «Я увидел *albarsty*». Но никому долгое время об этом не говорит. Через день-два он приходит на то место, где он увидит *albarsty*. (л. 33а)

Сведения об *albasty* имеются в обширной этнограф[ической] литературе о киргизах и казахах.

Так Чокан Валиханов говорит: «*Албасты* — дух, вредящий при родах» [Валиханов 1904: 277].

Маковецкий пишет: «Тяжелые роды — дело шайтана, наз[ываемого] *албасты*» [Маковецкий 1886: 62].

Более подробно описывает *албасты* Кустанаев: «[*Албасты*] злой дух в образе мальчика или девочки с огромными грудями, закинутыми через плечо на спину, старается задушить роженицу...» [Худабай-Кустанаев 1894: 36].

Гродеков пишет: «*Албасты* <неразборчиво> является в виде маленького животного, девочки *сары кыздаї*» [Гродеков 1889: 97].

Поярков сообщает: «*Албасты* — злой дух рожениц. Представляется в образе женщины высокого роста... с большой головой и большими грудями...» [Поярков 1894: 41]. (л. 34, с. 2)

Представления об этих духах, часто с тем же самым названием, были широко распространены и у всех тюркоязычных народностей Туркестана, Кавказа, Крыма и Турции, а также и у ряда других этнических групп. (л. 35)

Ряд этимологических объяснений был привлечен как для термина «*albasty*», так и для генезиса этого представления образа^{xxx}.

В охотничьих рассказах алтайских и енисейских турков отчетливо выявляется образ женского духа, одновременного доброго и злого, обладающего теми же внешними признаками, как и *албасты*, но наделенного совершенно иными функциями.

Приведу несколько из записанных мною в период моей полевой работы 1925–1936 гг. рассказов. (л. 41)^{xxx1}

Совершенно очевидно, что представления о женщинах — хозяинах гор, и тайги, и леса вообще представляют древнее и примитивное представление об *албасты* кирг[изов], каз[ахов] и др. Прежде всего женск[ие] духи *албыс* или *albasty* сибирских турок связаны с производственной формой, с охотничьим промыслом, одним [одной] из наиболее примитив[ых] хоз[яйственных] форм. Внутри этих форм представление еще не ращепл[ено], оно комплексно — хоз [яева] гор одновр[еменно] и добрые, и злые. Они одаривают богатством зверя охотн[ика], понравив[шегося] им, с которым вступают в связь, и они же губят охотника, кот[орый] имеет несчастье их прогневить.

Мне думается, что <неразборчиво> так явно их характер у алтайских и енисейских турков могут пролить некоторый свет на происхождение образа албасты среди турков и других народов. (л. 43)

III

Намечается тенденция превращения духов *албыс* и *алмыс* в злых духов. Поскольку они мыслились как духи, овладевающие душой человека, завладевающие человеком, в них усматривается причина сумасшествия, помешательства человека. Так, у сойотов, тувинцев отмечены представления о различных видах сумасшествия: «Временное помешательство — *albystai vergen*^{xxxii}, т.е. злой дух вселился, и сумасшествие с редкими светлыми минутами — *албыстан кижі*^{xxxiii}, допускающее еще выздоровление» [Яковлев 1900: 17]. От названия духа *albys* происходит глагол тувинско[го языка] *albystar* — бесноваться [Катанов 1903: 8], и эти духи начинают рассматриваться как злые духи, духи болезни вообще.

Так, в словаре Вербицкого [Вербицкий 1884: 18] *алмыс* (тел[еуты] и верх[не] конд[инские]) — название одного из злых духов [Грамматика 1869: 146].

У алтайцев, согласно Анохину [Анохин 1924: 6], *кар* или *албыс* — злые духи, духи тяжелой болезни.

У телеутов [Радлов 1893–1911, т. I: 439] злые духи — служители Эрлика. (л. 44)

Представления о женских духах — рыжих девах — *saryg qystar* или *албыс'ах* — *albys*, которые приходят к мужчинам и, завладев их душой, сводят их с ума, переходят в шаманство — они овладевают шаманом, призн[ак] сумасш[ествия]. Так, у «тувинцев (сойотов) признаками тяготения к шаманству указываются временное помешательство *albystai bergen* (что значит: злой дух в него вселился) и сумасшествие, допускающее еще выздоровление *албыстан кижі* (от *albys*) [Яковлев 1900: 113]. Тувинский

шаман рассматривается как посредник между человеком и в числе прочих духов с *албысами* [Грум-Гржимайло 1926: 134].

В образе, тождественном с рыж[ими] девами — хоз[яевами] гор, выступают и дочери Эрлика у алтайцев. (л. 45)

Рыжие девицы или *албасты* отмечаются и в числе шаманских духов. Так, тувинский (сойотский) шаман в своих призываниях упоминает *албыс'ов*:

— О шесть *албысов* моих желтолицых, стойте лишь и поджидайте меня! [Катанов 1907: 31, 44–55].

То же и алтайский шаман: «*Албыс*, тетка моя Манділу!» [Анохин 1924: 137].

Они изображаются и на бубнах сагайских и шорских шаманов в числе прочих его духов. (л. 46) (л. 47)^{xxiv}

Мифология славянских племен. Так, в Белоруссии «грудзи перекинется назад, бо джоже великие, а волосы у ея длинные, уся в волосах, яко голая» [Зеленин 1995: 219].

В Польше и Галиции «лесные девы и жены с огромными, длинными грудями, сто они вынуждены закидывать их за плечи и только тогда могут свободно ходить и бегать» [Афанасьев 1868: 343].

«Русалки стары и безобразны, космы больно длинные, титьки (груды) большие» [Завойко 1913: 152].

Момент сексуального взаимоотношения между духами и людьми особенно ярко выявлен был в фольклоре сев[еро]-азиат[ских] племен. Прокройный пр[офессор] Штернберг писал^{xxxv}: «...новейшие наблюдения вскрыли этот же элемент и в фольклоре сибирских турок. Насколько он стойко бытует в представлениях этих племен, можно судить по рассказу сагайцев (рассказ Майнагашева)»^{xxxvi}.

Исходя их представлений сибирских турецких племен о лесном духе в образе женщины с длинными грудями, можно сделать попытку объяснить генезис представлений турецких племен об *албасты*. (л. 48)

В фольклоре сибирских турок можно установить представление о женском духе — связанном с лесом, имеющем те же признаки, как и у *албасты*. С ясно выраженным сексуальным его характером. В тех вариантах (позднейших), где он мыслится в образе мужчины, он вступает в половую связь с женщинами. В некоторых случаях этот дух кричит наподобие козла, а горные [духи] и лесные [духи] представляются собак[ами].

Нам думается, что исходя из представлений сибирских турок можно объяснить генезис представлений об *албасты*. Представления сибирских турок мы должны рассматривать, несомненно, как более примитивные и первичные по сравнению с представлениями их соплеменников об *Албасты*.

Примитивный человек конкретно мыслит себе мир духов и также конкретно представляет свои взаимоотношения с ними. Духи живут по образу и подобию людей. Имеют те же наклонности, те же стремления. Вот почему так конкретны и общечеловечны представления о сексуальных связях людей и духов^{xxxvii}. 2. Дух этот связан с лесом и с хозяйственной формой, его породившей, — охотничьим промыслом. 3. Нет еще дифференциации. Этот дух одновременно и добрый, и злой. Охотнику, понаравившемуся ему, он дает удачу. Прогневившему [его] насылает смерть. И только постепенно начинает мыслиться как злой. (л. 49)

Исходя из фольклора сибирских турок, мы попытаемся объяснить образ и функции *албасты*.

1. Прежде всего в этом образе резко подчеркнуты признаки женственности: длинные волосы, длинные висячие груди. Эти признаки, согласно конкретному мышлению примитивных племен, указывают на обостренную сексуальность духа. Вот почему и впоследствии женские духи шамана *албыс* рисуются минусинскими турками с подчеркнутыми половыми признаками.

Зооморфные представления *албасты* в виде козла или собаки есть лишь другая стадия того же самого представления. У большинства племен с этими животными связывается представление о плодовитости.

Отсюда делаются понятными странные функции *албасты* и ее злобность по отношению к роженице. Женский дух, стремящийся к сексуальному общению с человеком, неудовлетворенный в своих чувствах, ревнующий мужчин к земным женщинам, мстит им во время родов и беременности⁴. Также злобно она [*албасты*] относится и к родившемуся ребенку.

* * *

[Материалы других лиц]

Сказание об алмысе (существо, поедающее детей)

Это было давным-давно.

Алтайцы были пугливы тогда, всего боялись. При встрече с русским прятались от него в колоду. Около катуня (?)⁵ жили в аймаке алтайцы. В одной юрте жила женщина-алтайка с двумя детьми. Как-то она ушла из аила. Возвращается в свою юрту — одного ребенка нет. Алтайка сразу догадалась, что его утащила алмыз.

Мужчины алтайцы в то время за аилом камлали. Женщина побежала к ним. Стала мужиков просить помочь искать ребенка. Алтайцы ответили: «Где его сегодня найдешь? Надо искать завтра», — и остались камлать.

⁴ Славянские русалки, прельщая мужчин, ненавидят женщин [Зеленин 1995: 183].

⁵ Возможно, р. Катунь.

Женщина же сказала: «Пускай меня съест алмыз, но я найду своего ребенка». И пошла одна искать свое дитя. Шла долго и далеко. Вдруг увидела юрту из дудака (камыша), плохо закрытую, с дырками. В юрте горел большой огонь, синий огонь. В юрте же сидели какие-то странные два существа, похожие, однако, на людей^{xxxviii}. Сидели «он» и «она» и говорили на непонятном женщине языке. На огне стояла чашка, и в ней что-то варилось. «Она» подошла к чашке и мешала в ней поварешкой. (л. 28) Груды у ней были так велики, что «она» их закидывала за плечи^{xxxix}. Ребенок алтайки ползал тут же в юрте. Женщина-мать ребенка тихо сидела возле юрты и за всем наблюдала. Скоро алмызы в юрте заснули. Тогда алтайка подошла ко входу юрты, [стала] руками и грудью манить к себе ребенка. Ребенок подполз к ней. Она дала ему свою грудь и побежала с ним к своему айлу.

Алмызы проснулись, хватились ребенка и побежали за женщиной. Она слышала за собой и топот, и слова: «Я тебе говорил, нужно было скорей варить ребенка, вот видишь, его утащили». Женщина все же успела убежать к своему айлу, около которого мужчины еще камлали. Ноги у ребенка были обрезаны (приготовили к варке).

1/VII-1927, с. Узния. Екатерина Елбак. (л. 29)

* * *

Надежде Петровне Дыренковой от С.А. Трусовой (л. 32)
21-VIII-25 г., с. Тюн-Кенегес Ажанкойского района, Крым.
Музапар Балбек, 58 лет.

Албасты — женщина с очень длинными грудями, когда она бежит, закидывает их на плечи. (Смешивают с обуром^{xl}.)

10-VII-26 г., с. Бюок-Асе Евпаторийского района, Крым.
Курт Мамбек Сади, 82 года.

Албасты — женщина с длинными грудями, при ходьбе закидывает их на плечи. Этим именем только пугают детей. Ничего плохого не делает. Живет у воды.

16-IX-28 г., с. Башаул Керченского района, Крым.
Аедин Садын, 56 лет.

Албасты — женщина с распущенными волосами и большими грудями. Живет у воды. В летнее обеденное время сидит у моря с грудями на плечах и чешет волосы. Людей не трогает, но передразнивает, если человек начинает что-нибудь делать. Повторяет его все движения. Ее можно привести в дом и использовать как работницу, если найти ее волос. (л. 30) Рассказ: «Один человек нашел волос *албасты*, пришел домой и положил в Коран, и *албасты* пришла к нему в дом, т.к. она не может уйти от того места, где находится ее волос, а Коран взять в руки тоже не может. И она стала у него работать. Раз хозяйка велела ей сварить молоко и смотреть за ребенком 5–6 лет, а сама ушла. Тогда *албасты* попросила ребенка взять

Коран и перелистывать его. Когда нашли волос, *албасты* попросила ребенка взять волос и из его рук уже взяла его и ушла, но предварительно она всегда чем-нибудь мстит — в тот раз она сунула ребенка головой в казан с кипящим молоком.

18-IX-28 г. с. Башаул Керченского района. Крым.

Инджеле Чорокай, 60 лет.

У одной женщины жила *албасты*. Когда у нее женился сын, она дала ему албасты в услуги. Но та была очень назойливой, т.к. повторяла за всеми все их движения, чтобы они ни делали. Тогда эта женщина посоветовала своей невестке спалить свои волосы на свечке, т.к. у *албасты* волосы хотя по виду как человеческие, но горят (л. 30а) как солома, и у ней они загорятся, и тогда она уйдет. Невестка так и сделала. Кончик своих волос поднесла к свечке, и у ней они только опалились, а у *албасты*, которая сделала то же самое, загорелась вся голова, и она убежала и больше не возвращалась. (л. 31)

Примечания

ⁱ Публикуемый текст является черновым и, по-видимому, первым, незаконченным вариантом статьи. Сохранившиеся в Архиве МАЭ материалы к статье, судя по авторской пагинации страниц, неполные. Они включают отдельные положения статьи, а также присланные Н.П. Дыренковой от ее корреспондентов с Алтая и Крыма полевые записи народных поверий об албасты.

ⁱⁱ На полях некоторых листов имеются краткие карандашные пометки в виде ключевых слов, отражающих основную тему соответствующего абзаца текста. Основная их часть носит чисто технический характер и не несет новой информации для читателя. Такие пометки в настоящей публикации не приводятся. Однако на листе № 1 имеются две карандашные пометки, представляющие интерес: «албас — албыс, алмас//al»; «пал-анаси — отмечено и у турецких племен Кавказа (Гашим, бен Везиров)». Последняя сопровождается сноской № 3, которая, по всей видимости, относится к работе [Андреев 1927]).

ⁱⁱⁱ Конкретная работа Н.Ф. Катанова не указана.

^{iv} В конце ссылки написано: «Эти духи, подобно османцам и кыргызам, называются еще *кар*».

^v В рукописи стоит номер сноски 6, текст отсутствует.

^{vi} На листе № 4 вычеркнут следующий абзац: «ссылка к стр. 2. Не только все верховн[ые] духи у всех турецких племен имеют коней, но и шаманские духи молятся на конях как в Сибири, так и Туркестане [Малов 1918]. У шорцев они же являются новопосвящаемому шаману иногда даже в виде коней как <неразборчиво>. Усть-Мрассу». И далее: «фольклорные записи Н. Дыренковой у телеутов в 1924 г. Улус Черга».

^{vii} Выражение *албыс тан кижі*, *албыс тай верген*, которое мы находим в оригинале, по-видимому, нужно сегментировать несколько иначе: *албыстан кижі*, *албыстай верген*. Мы предполагаем, что *албыстан* — это форма перфектного причастия на *-ган албыстан* = *албыстаган* ‘сошедший с ума, помешавшийся’

(-з- между двумя гласными регулярно выпадает) от глагола *албыста* — ‘сходить с ума, помешаться (из-за того что вселился злой дух)’, образованного от именной основы *албыс* — ‘злой дух’. *Албыстай верген* — это форма начинательного способа глагольного действия этого же глагола в прошедшем времени, образуемая с помощью вспомогательного глагола *пер* — ‘давать’: «(Он) сошел с ума, помешался из-за того, что (в него) вселился злой дух».

^{viii} Вычеркнуто: «не могут считаться не только окончательными».

^{ix} В тексте стоит сноска № 2, текст отсутствует.

^x На листе № 7 указаны номера четырех сносок, но их тексты отсутствуют.

^{xi} На полях идет текст: «Лишь османские турки мыслят албасты в образе красивой женщины».

^{xii} После ссылки на работу Миропиева стоит пометка: «Белая собака, титьки касались земли».

^{xiii} Далее: «неопределенной формы [Максимов 1876: 615], крайне редко в образе мужчины (где?)».

^{xiv} На полях пометка: «уничтожает ребенка (казаки), киргизы») — слово «киргизы» зачеркнуто. В данном случае Н.П. Дыренкова использует старое правописание этнонима казахи — «казаки». Здесь же дана ссылка: Андреев из рассказов старика Назырхана — Джин и Албасты [Тюркест[анские] ведомости. 1916. № 102].

^{xv} На полях пометка: «то же у казанских татар».

^{xvi} Далее текст перечеркнут: «...еще кумыки. Таким образом, можно считать, что несравненно более албасты (за немногими исключениями) мыслится женским духом с огромными грудями. Что функцио[нально] является приносить вред женщинам и ребенку. <...> В некоторых (несравненно более редких легендах) она вредит мужчинам или живет с ними». На полях этого листа имеются отдельные записи: «Албасты обычно до смерти не доводит, а заставляет стонать, мучиться духом, странно кричать». Далее перечеркнуто: «Несмотря на 2 последние легенды, можно считать характерным для албасты указанных нами районов следующие: Албасты женский дух мыслится с огромными грудями. Ее функции — приносить вред женщинам и ребенку».

^{xvii} Далее вычеркнуто: «Он производит на нее выгодное впечатление, и с этого дня у них начинается знак[омство]».

^{xviii} Слова «с ней в лес в ее жилище» подчеркнуты.

^{xix} На полях пометка: «к стр. 9».

^{xx} Далее вычеркнуто: « У османских турок можно приручить и обезвредить ‘ал’, воткнув во время в подол ее платья иголку. Ал подпадает под власть того, кто овладевает ею, служит в доме. В том доме, где она месит тесто, запас хлеба до конца года не иссякает. Она же становится женой человека и живет с ним. (л. 15–16)

^{xxi} На полях пометки: чернилами: вверху вычеркнуто «может быть принуждена стать женой человека и жить в его доме»; сбоку — «В общечелов[еческой] концепции о возм[ожном]сожительстве духов и человека. Все факты <неразборчиво> связь... северо-вост. Финские, русские. Эти же воззрен[ия] подтвердились на турецк[ой] почве»; карандашный рисунок, под ним надпись карандашом <неразборчиво>; внизу, в правом углу, — <неразборчиво>.

^{xxii} Вычеркнуто: «Обычный образ хозяйки горы и леса в виде женщины с большими грудями».

^{xxiii} На полях пометка: «(где записано)...»

^{xxiv} Вычеркнуто: «небесные зубы».

^{xxv} Лист № 20 начинается с двух вычеркнутых абзацев: «Родившийся ребенок также подвергается козням и злобе албасты, она»; «Другой вариант, где анимистическое мировоззрение выявлено более отчетливо: хозяйка тайги (горы и леса), ночуя с охотником и поймав его душу, уносит его душу. После этого человек сходит с ума».

^{xxvi} В верху листа № 22 вычеркнуто: «Момент сексуальн[ых] взаимоотношений человека и духа, наглядность и конкретность этого представляется»

^{xxvii} По всей видимости, здесь должна была быть ссылка на работу [Кон 1904: 23], выдержка из которой (машинопись) вложена в текст статьи (л. 24): «Особую категорию злых духов составляют “албыс” или “лук”. “Албыс” живет по преимуществу в песчаных местах. Мужчине он представляется красавицей, женщине — красавцем. Спереди он имеет обыкновенный вид, сзади тела нет и видны все внутренности. Недалеко от устья р. Залегеста, в местности Манган Элезын (белесоватый песок) пришлось однажды ночевать одному Ойнарскому сойоту. Во время этой ночевки к нему явилась красавица-девушка, как оказалось Албыс, соблазнила его, и он имел с ней общение, после которого он как бы забыл обо всем на свете и не уходил домой. Его домашние обеспокоились лишь тогда, когда лошадь его, оседланная, вернулась одна в улус. Начались розыски. Его нашли спящим в песке, но он бросился стремглав бежать, как только увидел разыскивающих. Как оказалось впоследствии из его рассказов, убежал он по совету Албыс. Беглеца долго не удавалось поймать, но выручил случайно проезжающий навстречу сойот. Сообразив в чем дело, он закинул на бегущего аркан. Задержанного отвели в улус, начали жечь подметки, куски старой кошмы и т.п. и этим смрадным дымом отогнали Албыс».

^{xxviii} Далее неоконченная фраза: «Идет рассказ-выписка».

^{xxix} Начало предложения пропущено.

^{xxx} Фраза обрывается.

^{xxxi} Тексты рассказов не приведены.

^{xxxii} Первое слово — *albystai* — написано латиницей, второе — *верген* — кириллицей. Имеется в виду выражение *albystai bergen* — «сошел с ума».

^{xxxiii} Первое слово написано кириллицей — *албыстан*, а второе — *kizi* — латиницей. Имеется в виду выражение *albystan kizi* — «сумасшедший».

^{xxxiv} Лист 47 содержит список работ, цитаты из которых приведены в тексте.

^{xxxv} Выписка отсутствует.

^{xxxvi} Текст рассказа отсутствует.

^{xxxvii} Далее вычеркнуто: «1. Отсюда можно считать первичными функциями этого духа сексуальные взаимоотношения этого духа с людьми, как сексуальный женский дух. 2. Представление о нем не дифференцировано — это еще не злой дух. Он посылает удачу на промысле».

^{xxxviii} Слова «два существа, похожие, однако, на людей» подчеркнуты.

^{xxxix} Фраза подчеркнута.

^{xl} *Обур* — ведьма, злой дух у карачаевцев.

Архивная справка

Хранение: АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 216 (л. 1–51).

Состав: один рукописный экземпляр статьи (л. 1–27), материалы к статье (л. 28–51).

Описание: рукопись (черновик), выполненная чернилами, с пометками на полях чернилами и карандашом, листы формата А5. Авторская пагинация страниц не совпадает с архивной, так как ссылки на литературу и частично текст статьи автором помещены на отдельных листках с пометкой «к стр. № 1, 2, 3...» и т.д. Кроме того, при регистрации этой работы в архиве листы текста статьи и материалов к ней были частично перепутаны, в настоящей публикации составители придерживались авторской логики изложения темы.

Датировка: 1929–1930 гг.

Состояние: листы пожелтели, карандашные пометки на полях трудно различимы.